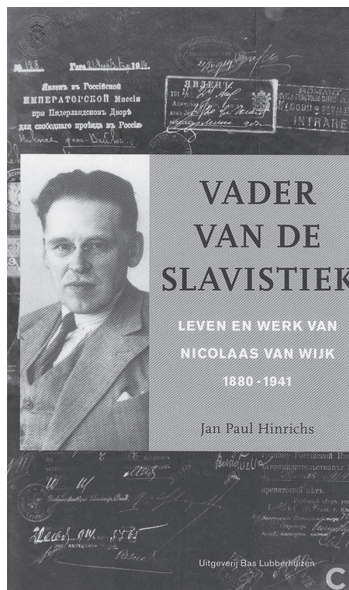

РУСИСТИКА В НИДЕРЛАНДАХ

История изучения голландцами русского языка насчитывает несколько столетий, однако в прежние века они делали это в чисто практических целях, в основном по мере развития торговли между двумя странами. Чаще всего переводчиками выступали голландцы, прожившие какое-то время в России, или русские, живущие в Нидерландах. Так, при снаряжении экспедиции Баренца, отправлявшейся на поиски северного пути в Японию и Китай вдоль российского побережья Северного Ледовитого океана в конце XVI в. в команду был взят некто Михаил — женатый на голландке русский, живший в Энкхёйзене. В XVII в., при царе Алексее Михайловиче Тишайшем, в московском Посольском приказе думным дьяком служил голландец Андрей Виниус, исполнявший в том числе и обязанности толмача — в частности, во время пребывания в Москве посольства Генеральных Штатов в 1664–1665 г. Подобные толмачи иногда писали для себя и для своих товарищей пособия по русскому языку, которые носили, разумеется, чисто прикладной характер.

Научный интерес к русскому языку возник на рубеже XIX–XX вв. среди лингвистов Лейденского университета, которые стали изучать строй русского языка в контексте балто-славянских языков в целом. Первая в Нидерландах кафедра балто-славянских языков, давшая толчок к развитию славистики в Нидерландах, была создана в 1913 г. в Лейденском университете благодаря усилиям выдающегося филолога Николаса ван Вейка (Nicolaas van Wijk, 1880–1941).

Николас ван Вейк (1880–1941) родился в городке Дельдене в семье пастора. Большую часть детства провел в городе Зволле, где учился в школе. В 1898 г. Ван Вейк стал студентом Амстердамского университета, занимался санскритом и готским языком у легендарного профессора К. К. Уленбека. В возрасте 22 лет, в 1902 г., защитил диссертацию по индоевропеистике. После этого прошел длительные стажировки в Лейпцигском, затем в Московском университете (1903 г.). Здесь у него и возникает интерес к русскому языку и литературе, по возвращении в Нидерланды он пишет цикл статей «Гамлеты русской литературы» (“De Hamlets van de Russische letterkunde”, 1904), но в основном занимается сравнительным языкознанием и германистикой. В 1912 г. выходит в свет его этимологический словарь нидерландского языка, созданный на основе старого, составленного немецким ученым Й. Франком.

*Биография
Николааса ван Вейка,
написанная Я. П. Хинрихсом
(Лейденский университет)*

Но вот в 1913 г. в Лейденском университете была создана кафедра балто-славянских языков, и Нико-лас ван Вейк стал ее профессором. С этого времени он целенаправленно занялся русским языком и литерату-рой, причем публикации его предна-значались не только для специали-стов, но и для широкой публики. Нико-лас ван Вейк был одним из немногих голландцев — иностран-ных членов АН СССР (с 14 января 1928 г.). Как славист и страстный поклонник русской литературы, он отличался удивительной разносто-ронностью: прекрасно знал целый ряд славянских языков, был автором книг по церковнославянскому языку и по истории русской словесности. Он занимался также фонологией и диалектологией славянских языков.

Николас ван Вейк не имел семьи, зато дом его был всегда открыт для тех, кто обращался к нему за помощью, — в том числе для эми-грантов из России и Польши. Теплые воспоминания о нем как об

исключительно отзывчивом человеке оставили его студентки — Этти Хиллесум (1914–1943) (о ней см. далее) и историк и куль-туролог Анни Ромейн-Версхор (1895–1978). Ван Вейк скончался в 1941 г. в Лейдене после недолгой болезни. Он похоронен рядом с умершим прежде него приемным сыном, который был право-славным: Николааса ван Вейка отпевали также по православному обряду.

К тому же поколению, что и Нико-лас ван Вейк, принадлежали Бруно Беккер (Bruno Bekker, 1885–1965) и Борис Рапчинский (Boris Raptshinsky, 1887–1983), оба эмигранты из России, сыграв-шие огромную роль в приобщении голландцев к русской культуре и русскому языку.

Петербургский немец **Бруно Борисович Беккер** (1885–1968) был выпускником Санкт-Петербургского университета, где он изучал древние языки и историю. В 1912 г. он защитил здесь доктор-скую диссертацию о немецком гу-манисте XVI в. Себастиане Франке (Sebastian Franck, 1499–1543). Его интерес к философии Северной Ев-ропы того периода, которую принято обозначать термином «северный гума-низм», вылился в увлечение великим нидерландским гуманистом Дирком Корнхертом (1522–1590). В 1913 г. он получил стипендию от российского правительства для поездки в Нидер-ланды с целью изучения рукописей Корнхерта. Занимаясь Корнхертом, Беккер освоил нидерландский язык XVI века, с которого впоследствии — для общения с коллегами — с боль-шим трудом перешел на современ-ный нидерландский. Октябрьскую революцию Беккер встретил в России, будучи приват-доцентом Санкт-Петербургского (Петро-градского) университета. В 1920 г. он стал профессором этого университета по Новой, затем Новейшей истории. В 1921 г. его жена и четырехлетняя дочь переехали в Германию для поправки здоровья. А через год к ним присоединился и сам Бруно Беккер.

Бруно Беккер

Чтобы продолжать исследование рукописей Корнхерта, он вскоре перебрался с семьей в Амстердам, где лишь в 1930 г. получил место в университете. На слушавших его первую лекцию студентов он произвел неизгладимое впечатление — своей увлеченностью, из-за которой он не следил за временем и проговорил втрое больше, чем полагалось по расписанию, старомодной эмоциональностью речи, а также тем, что пришел в университет во фраке. В 1935 г. ученый получил нидерландское гражданство. Бруно Беккер преподавал в Амстердамском университете не только и не столько русский язык, сколько общетеоретический курс по истории и культуре России, в том числе по русской литературе. Студенты и коллеги ценили его занятия и за их высокий уровень, но также и за то, что Бруно Беккер вырос и получил образование в России, так что знал свой предмет не только теоретически.

В 1945 г., когда в Амстердамском университете была создана кафедра славистики, он стал ее заведующим, а в 1948 г. — директором тогда же сформированного Института России (в 1961 г. преобразованного в Институт Восточной Европы). Бруно Беккер вошел в историю голландской славистики как яркая, обаятельная личность и талантливый педагог, оставивший после себя много благодарных учеников (среди которых знаменитая переводчица Алейда Схот, историк Ян Виллем Беземер, писатель и славист Карел ван хет Реве и многие другие).

Борис Наумович Рапчинский (в России Рябчинский, в Нидерландах Rapschinsky, 1887–1983) известен в первую очередь как автор прекрасных словарей (русско-нидерландского: Rapschinsky В. Russisch-Nederlands Woordenboek, Thieme-Zutphen, 1921, 2-е изд. 1952, и нидерландско-русского: Nederlands-Russisch, Thieme-Zutphen, 1924), которыми вплоть до 1970-х годов пользовались все нидерландские слависты. Он родился в еврейском местечке на Украине, под Кременчугом, недалеко от гоголевских Миргорода и Диканьки. В гимназические годы он вместе с другими еврейскими юношами пытался бороться против социальной несправедливости, в том числе притеснения евреев, и в 1906 г. был приговорен к тюремному заключению. В 1907 г. ему удалось через Краков бежать из России в Вену. В том же году он приехал в Амстердам, где познакомился с Давидом Персоном — братом своей будущей жены — и благодаря ему вошел в круг амстердамских социалистов-сионистов. С 1909 по 1912 год Б. Рапчинский

в поисках заработка курсирует между Амстердамом и Парижем, но с 1912 г. поселяется в Амстердаме, где в 1913 г. женится на Маше Персон, шлифовальщице брильянтов родом из России, хорошо знавшей нидерландский язык. В 1916 г. у них рождается дочь Людмила. Выучив нидерландский язык, Б. Рапчинский публикует в 1920-е годы множество статей и переводов, в частности, русских былин и сказок (“Russische heldensagen en legenden”, 1924; “Sprookjes uit verre landen”, 1924), а в 1925 г. защищает в Амстердамском университете докторскую диссертацию на тему «Пребывание Петра Великого в Голландии в 1697–1698 гг.». В конце 1920-х выходит в свет его двухтомная «История русского народа» (“De geschiedenis van het Russische volk”. Deel 1 en Deel 2. 1927–1929).

В 1932 г., после получения нидерландского гражданства, Рапчинский становится приват-доцентом Утрехтского университета. Он пишет статьи на политические и философские темы, а также о русской литературе, и организует литературные вечера. В 1935 г. выходит его сочинение «Тревога» (“Ongrust”, 1935), в котором он рассматривает в широком историческом контексте преследование евреев и других национальных меньшинств в Европе, и задает вопрос читателям, сделали ли они что-нибудь, чтобы прекратить истребление целых народов в цивилизованном XX веке. В июне 1935 г. в Амстердам приезжает Евгений Замятин: он останавливается у Рапчинского и выступает в литературном обществе «Кружок» с чтением своих произведений. В 1937 г. Рапчинский возглавляет комитет по подготовке в Амстердаме вечера к столетию со дня смерти Пушкина.

После оккупации Нидерландов Германией в 1940 г. Рапчинский, как и все граждане Нидерландов, состоящие на государственной службе, должен был заполнить анкету о своем происхождении — арийском или неарийском. Он отказывается ее заполнять, мотивируя это тем, что якобы не знает своего происхождения, и по собственной воле уходит с должности приват-доцента. Оккупационные власти не трогают его семью до тех пор, пока Людмила не выходит в 1942 г. замуж за человека, открыто называвшего себя евреем. Молодых супругов немедленно депортируют в Освенцим, где они оба погибают. После смерти Людмилы ее родители отдалились друг от друга, и спутницей жизни Рапчинского стала подруга его дочери Жанетт Теенгс.

В послевоенные годы Борис Рапчинский много занимается литературой. В 1946 г. он публикует «Сказки русских лесов и степей» (“*Sprookjes van de Russische wouden en steppen*”) — сборник, составленный не из переводов, но из авторских изложений баек, услышанных в детстве от матери, большой любительницы историй о всевозможной нечисти. В 1948 г. Рапчинский переводит на нидерландский «Николау Милостивого» А. М. Ремизова (“*Nikola de Barmhartige. St. Nicolaas in het Oosten*”). В связи с этим изданием между Рапчинским и А. М. Ремизовым завязалась переписка, длившаяся до 1954 г.

Последней значительной работой Рапчинского стало исследование «Династия Романовых» (“*De Romanows. Roem en tragedie van het huis Romanow*”, 1970). Он умер в 96 лет, пережив свою молодую жену.

Среди славистов последующих поколений, которые изучали русский язык в университетах под прямым руководством троих описанных «отцов нидерландской славистики» и их бывших студентов, есть немало известных литераторов. Ниже, в отдельных главках вы прочтаете подробно о двоих из них — Кареле ван хет Реве и Кейсе Верхейле, здесь же вкратце расскажем о трех других.

Этти Хиллесум (Ester ‘Etty’ Hillesum, 1914–1943) известна нидерландским читателям как автор дневника «Оборванная жизнь. Дневник Этти Хиллесум, 1941–1943» (“*Het verstoorde leven. Dagboek van Etty Hillesum 1941–1943*”), впервые изданного в 1981 году. В 2011 г. он вышел 28-м изданием. Свой дневник Этти Хиллесум начала вести по заданию психотерапевта, которого посещала, оказавшись в психологическом тупике. Перед ней стоит цель — разобраться в себе и зафиксировать те изменения, которые происходят в ее самоощущении под воздействием курса психотерапии. Это — предельно честный отчет о динамике душевного состояния яркой, самостоятельно мыслящей и литературно одаренной женщины. Ее психотерапевт — еврей, перебравшийся, спасаясь от преследований, в Голландию из Германии, которого в Англии ждет невеста. В определенный момент между Этти и психотерапевтом вспыхивает любовь, что, разумеется, придает дневниковым записям еще большую силу чувств. Но записи становятся по-настоящему душераздирающими там, где Этти день за днем описывает постепенные, происходящие шаг за шагом страшные изменения в жизни амстердамских

евреев во время оккупации, которых она долгое время наблюдает ежедневно, работая добровольцем в концлагере Вестерборк. Записи обрываются в октябре 1942 г., когда ее саму из добровольцев переводят в разряд заключенных. 7 сентября 1943 года Этти и ее семья были этапированы в Освенцим, где вскоре погибли.

Отец Этти был голландцем, преподавателем классических языков и словесности, мать родилась в России, откуда бежала от еврейских погромов в 1907 г. С 1932 по 1939 год Этти изучала право в Амстердамском университете, затем стала заниматься русским языком в Лейденском университете. В дневнике она, в частности, описывает свои переживания после известия о смерти любимого учителя Николаса ван Вейка.

Талантливым поэтом, а также переводчиком русской поэзии (Иннокентия Анненского и Бориса Пастернака) был **Вилфред Смит** (Wilfred Smit, 1933–1972) — уроженец Нидерландской Индии (где в период японской оккупации в годы Второй мировой войны провел, как и практически все голландцы от мала до велика, несколько лет в японских концлагерях), выпускник Лейденского университета (1959 г.) и преподаватель русской литературы в Амстердамском университете (с 1969 г.). Еще в школьные годы он показал свои стихи Симону Вестдейку, который высоко их оценил и в дальнейшем всячески поддерживал молодого поэта. По настоянию и при содействии Вестдейка Смит опубликовал два своих сборника: «Арфа на колесах» (“*Een harp op wielen*”, 1959) и «Бахрома» (“*Franje*”, 1963), однако популярности они автору не принесли и тиражи не были раскуплены, — что не удивительно, так как поэзия Вилфреда Смита — «труднодоступная», полная виртуозной языковой игры и тончайшей иронии, непонятных непосвященным, зато восхищавших немногочисленных искушенных читателей: он был, что называется, «поэтом для поэтов». Эти неудачи так огорчили автора, что он долго отказывался от публикации третьей книги, и согласился лишь после долгих уговоров издателя. Так в 1971 г. вышло его «Собрание стихов» (“*Verzamelde gedichten*”), куда были включены также ранее не издававшиеся стихотворения. Этот сборник имел несколько больший резонанс, чем первые два, но все равно лишь в самом узком кругу.

Вилфред Смит умер в 39 лет от опухоли головного мозга. После смерти поэта его стихи постепенно стали привлекать все большее внимание, вследствие чего в 1983 г. увидело свет полное собрание его

поэзии (“Verzameld werk”), за которым последовало собрание рассказов (1988). В 1984 г. нидерландская рок-группа The Nits впервые исполнила песню на текст его стихотворения “Sweet Bahnhof” (1956).

Жан-Пьер Рави (р. 1951), изучавший русский язык в Гронингском университете, сегодня входит в четверку самых читаемых современных поэтов Нидерландов. Он пишет, в отличие от большинства его собратьев по перу, понятные, изящные по форме рифмованные стихи. Известность пришла к нему в 1980-е годы после участия в литературных передачах на нидерландском телевидении и в связи с присуждением ему в 1989 г. Премии Вессела Гансфорта. Однако настоящую популярность завоевал его сборник 1992 г. «Невозможное счастье» (“Onmogelijk geluk”). В 1997-м вышел его перевод стихов Александра Блока. В 2008 г. Рави была присуждена престижная Премия Шарлотты Кёлер. В обосновании своего решения жюри заявляло, что «в его стихах ироничная тональность не заслоняет серьезность тех вечных, классических тем, которые занимают в них центральное место: это любовь, смерть, слабость, горечь утраты».

Помимо собственного творчества, огромное место в деятельности нидерландских славистов, разумеется, занимают переводы русской художественной литературы. Русские книги на нидерландском языке издают и большие, и малые издательства. Переводятся и русские народные сказки — и романы Гончарова, и мемуары Зинаиды Гиппиус — и рассказы Татьяны Толстой, произведения Пелевина, Сорокина, детективы Акунина, Марининой, Донцовой... Новые переводы русской классики (в том числе столь объемных произведений, как «Обломов»¹ или «Братья Карамазовы»²) выходят приблизительно раз в тридцать лет, а то и чаще: например, в 2010 г. вышел пятый (!) перевод «Евгения Онегина»³.

¹ Четвертый перевод вышел в 1994 г., переводчик Артур Лангевелд (Arthur Langeveld, р. 1947).

² За перевод «Братьев Карамазовых» (2006 г., третий по счету) Артур Лангевелд получил Нейхофовскую премию.

³ Этот рифмованный перевод, сохраняющий ритм и систему рифм «онегинской строфы», вышел в V томе насчитывающего уже шесть томов собрания сочинений Пушкина в издательстве «Папирен тейгер» (Papieren tijger, досл. «Бумажный тигр»). Все переводы выполнены одним человеком — лауреатом Премии им. Алейды Схот (2003) и Нейхофовской премии (2015) Хансом Боландом (Hans Boland, р. 1951).

До Второй мировой войны подавляющее большинство русских книг переводилось на нидерландский язык через языки-посредники — французский или немецкий. Первой переводчицей, обратившейся непосредственно к русским оригиналам, была **Алейда Схот** (Aleida Schot, 1900–1969). Будучи студенткой английского отделения Амстердамского университета, она случайно зашла на лекцию Бруно Беккера — и решила всю дальнейшую жизнь заниматься русским языком. Свои первые переводы с русского она поначалу делала вместе с Бруно Беккером (отдельные рассказы Бунина — 1934, Гаршина — 1935), а в 1939 г. уже самостоятельно перевела «Героя нашего времени». Но по-настоящему крупной переводчицей она стала после войны, занимаясь и прозой, и поэзией: среди переведенных ею авторов были Пушкин, Лермонтов, Лесков, Тургенев, Толстой, Чехов и другие. Она стала первым в истории лауреатом Нейхофовской премии (1955). Алейда Схот много лет продолжала поддерживать дружбу с Бруно Беккером, а после смерти его жены переехала к нему жить. Она пережила его на один год, оставив завещание, согласно которому из ее наследства раз в два года должна выплачиваться премия за лучший перевод со славянских языков: это знаменитая ныне Премия имени Алейды Схот.

Но самую большую роль в приобщении нидерландских читателей к русской литературе сыграло и продолжает играть сегодня издательство «Ван Орсхот» (Van Oorschot). Об этом легендарном издательстве и его уникальной серии «Русская библиотека», выпускаемой с 1953 г., написано множество статей. Проект «Русской библиотеки» возник благодаря энергии трех человек: издателя Гейрта ван Орсхота (Geert van Oorschot, 1909–1987), переводчика Шарля Тиммера (Charles Timmer, 1907–1991) и слависта Карела ван хет Реве (Karel van het Reve, 1921–1999). Гейрт ван Орсхот в молодости был поэтом и социалистом, так что первоначально его внимание к России было связано с его политическими воззрениями. Однако постепенно, по мере изменения его политических взглядов, литературный интерес перевесил политическую составляющую. На должность главного редактора «Русской библиотеки» Гейрт ван Орсхот пригласил Шарля Тиммера — как человека, хорошо знающего русский язык и долго жившего в России. Они были знакомы еще по совместной работе в социалистическом

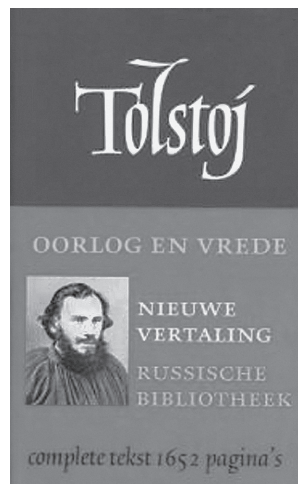
Шарль Тиммер
и Гейрт ван Орсхот

журнале “Вaanbreker” («Первопроходец»), и Орсхот мог судить о литературном даре Тиммера по уже опубликованным к этому времени сборникам стихов и двум романам («Другая сторона» / “Overkant”, 1946, и «Вертикальный взлет» / “Verticale vlucht”, 1947).

Шарль Тиммер выучил русский язык еще в 1920-е годы в практических целях, когда работал представителем нидерландской компании по закупке леса. Его работа состояла в том, чтобы, находясь в России, проверять качество товара еще до отправки в Нидерланды. Живя в Одессе, он женился на балерине Одесского театра. К 1936 г. практически всех иностранцев выдворили

из СССР, в том числе и Шарля Тиммера. Во время войны он продолжал совершенствоваться в русском языке и одновременно сам давал уроки русского.

Тиммер был не только редактором «Русской библиотеки», но и сам много переводил: список его переводов включает 60 названий. Особенно знамениты его переводы Чехова, которые до сих пор привлекают читателей своей доброй и некой домашней тональностью: переводя, Тиммер сознательно сглаживал те острые углы в русском тексте, которые могли задеть нидерландских читателей. Кроме того, его «уютные» переводы Чехова всегда получались заметно длиннее оригиналов. За переводческий труд Шарль Тиммер получил несколько престижных литературных премий, в частности Премию им. М. Нейхофа (1965) и Премию им. Алейды Схот (1991).

«Война и мир»,
нидерландское издание

Плакат издательства «Ван Орсхот»
к 60-летию «Русской библиотеки»

Гейрт ван Орскот выпускал «Русскую библиотеку» с 1953 по 1977 год. За это время вышло 38 томов произведений писателей XIX века: Достоевского, Гоголя, Пушкина, Тургенева, Писемского, Салтыкова-Щедрина, Толстого и Чехова. К работе было привлечено два десятка переводчиков — для нидерландской русистики внушительное число. После смерти Г. ван Орскота его сын Ваутер в 1988 г. возобновил «Русскую библиотеку» и наряду с классикой XIX столетия начал издавать авторов XX века: Маяковского, Бунина, Булгакова и др. Он предпринял новое многотомное издание сочинений Чехова в новых переводах, отвечающих современным требованиям точности передачи оригинала, без какого-либо приглаживания (переводчики Том Эйкман, Аай Принс, Анна Стоффел). На сегодняшний день «Русская библиотека» включает в себя более пятидесяти томов (в общей сложности более тридцати тысяч страниц). В 2010 г. двуязычный том поэзии Ахматовой, вышедший в «Русской библиотеке» (переводчицы Марья Вибес и Мархрит Берх), получил премию Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). В решении жюри Российской академии наук говорилось, в частности, что это издание произведений Ахматовой отличается полнотой состава (включает также поэмы, в том числе «Поэму без героя») и высочайшим мастерством перевода. На церемонию вручения премии в Петербург были приглашены и сотрудники издательства «Ван Орскот».

Говоря о нидерландской славистике, нельзя не остановиться на многолетней деятельности издательства «Пегасус» (“Pegasus”, *досл.* Пегас) и существующего при нем книжного магазина. «Пегасус» был основан как издательство Коммунистической партии Нидерландов. Поскольку КПН долгое время во всем ориентировалась на Советский Союз, в магазине продавались книги, изданные в СССР и в «странах народной демократии»: соответственно, русские, польские, болгарские, чешские и т. д. После Перестройки, когда КПН прекратила свое существование, «Пегасус» — издательство и магазин — сумели найти свое место в культурной жизни Нидерландов, сосредоточившись на издании книг, связанных со славистикой (словарей, учебников, грамматик, учебников по русской и славянским литературам, по истории России и славянских стран). Здесь выходят также переводы русской литературы XX века: у читателей большой успех имели изданные «Пе-

гасусом» книга прозы Даниила Хармса и «Записки блокадного человека» Лидии Гинзбург (под названием “Omsigeld” = «В окружении»). В магазине регулярно устраиваются презентации новых книг.

Необходимо упомянуть еще одно нидерландское издательство: «Мутон» (Mouton), которое в 1950–1970 гг. издавало на английском языке престижную серию исследований по славистике. Редактором этой серии был К. Х. ван Схоневелд, профессор Лейденского университета и ученик Романа Якобсона. Именно в этом издательстве в сентябре 1957 г. увидело свет первое русское издание «Доктора Живаго» Пастернака, на титульном листе которого было указано итальянское издательство «Фельтринелли».¹ Вскоре после этого издания Пастернаку в 1958 г. была присуждена Нобелевская премия.

В наше время кафедры, специализирующиеся на русском языке и литературе, имеются в трех нидерландских университетах: Амстердамском, Лейденском и Гронингенском. За послевоенные годы в нидерландских университетах было защищено более ста диссертаций в самом широком диапазоне тем: о поэтике русского символизма и футуризма (В. Вестстейн, Амстердам), о теме времени в поэзии Ахматовой (К. Верхейл, Амстердам), о литературном пространстве в «Конармии» Бабея (И. ван Баак, Гронинген), о значениях русского инфинитива (А. ван Холк, Лейден), о «Симфониях» Андрея Белого (О. Тилкес, Амстердам); нидерландские русисты изучают берестяные грамоты (Йос Схакен), историю Русских балетных сезонов в Париже (Шенг Схейен), русскоязычное интернет-пространство (Эллен Рюттен).

За четыре столетия контактов между нашими странами в интересе голландцев к России и к русской культуре наблюдались всплески и спады, определявшиеся разными факторами — политическими, экономическими, чисто научными. Нидерландские русисты уже сделали и продолжают делать многое для того, чтобы дать возможность своим соотечественникам познакомиться с самыми разными гранями русской культуры.

¹ P. Finn, P. Couvée. *The Zhivago Affair*. New York, 2014. P. 138. В книге изложены новые открытия нидерландской русистики Петры Куве и американского журналиста Питера Финна, исследовавших на основе многочисленных архивных документов (включая архивы ЦРУ, Нидерландской службы безопасности и Нобелевского комитета) детективные обстоятельства этого издания.